

кона реальному положению дел. Такой ракурс исследования отличал собственно историков от историков-юристов, хотя в начале XX в. их позиции и сблизились. Видимо, повлияло на указанные оценки и то, что Веселовского активно критиковали в 1940–1950-е гг. во время кампании по борьбе с «буржуазным объективизмом» именно как историка, игнорирующего реальный социально-экономический процесс в угоду формально-юридическому подходу. Данные оценки «перекочевали» в последующую историографическую литературу.

3. Исследование Ю.В. Готье «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II»

После защиты магистерской диссертации Готье продолжил активную работу не только в области музейного дела и собственно научно-исторических исследований, но и в сфере археографии. Он читал в Московском университете курс по русской истории. Как лектор Готье, по воспоминаниям современников, не блистал¹. Н.М. Дружинин, в будущем известный историк, писал в своем дневнике: «Чувствуется в нем солидное знание, его лекции для меня будут полезны»².

До нас дошла студенческая литография, хранящаяся в Российской государственной библиотеке, курса русской истории, читанного в 1906/1907 гг. При ближайшем рассмотрении становится очевидной зависимость лекций Готье от «Курса русской истории» Ключевского. Молодой историк старался во всем следовать своему учителю, по сути, прочитав сокращенную версию курса учителя до XVI в. В этом смысле ничего оригинального курс не привносит. Видимо, поэтому Готье никогда не включал его в список своих публикаций. Тем не менее, интерес представляет введение, где историк, в значительной степени следуя Ключевскому, описал свое понимание сущности исторического знания.

Он признавал, что история может изучать как индивидуальные явления, так и закономерности. Хотя второе — это задача социологии, которую Готье рассматривал как высшее знание³. При этом знание истории — непременное условие успешной работы социолога. Правда, в отношении русской истории ученый высказывал традиционный для своего времени научный пессимизм, считая, что процессы, проходившие в русском обществе, примитивны, поэтому не могут быть очень ценным материалом для

¹ Изюмов А. Страничка воспоминаний // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага, 1937. С. 210.

² Дневник Николая Михайловича Дружинина // ВИ. 1995. № 11–12. С. 136.

³ Готье Ю.В. Лекции по русской истории: Литография. М., 1907. С. 3.

социологических обобщений¹. Но при этом он признавал, что «изучение самого исторического процесса данного народа, т. е. установление непрерывной цепи событий, составляющих этот процесс, может являться и самостоятельной целью»². Заметим, что автор, рассматривая исторический процесс как непрерывную цепь событий, последовательно следует принципу историзма. Изучение истории России, по мнению лектора, представляет интерес для понимания развития страны, для осмысления настоящего. При этом, в понимании Готье, задача историка — только описывать исследуемые процессы³. Таким образом, несмотря на признание связи истории и социологии, Готье отходит от идей, заложенных его учителем Ключевским, о синтезе исторического и социологического знания и приходит к видению задач исторической науки, последовательно отстаиваемых С.Ф. Платоновым, считавшим, что цель истории — чисто идеографическая⁴. В этом вновь проявилась тенденция сближения Московской и Петербургской школ. В то же время заметим, что Готье в исследовательской практике стремился к поиску закономерностей.

Анализируя категорию «исторический процесс», ученый вынужден был признаться своим слушателям, что в реальности она распадается на «ряд более детальных процессов»⁵. Историк придерживался теории многофакторного подхода, что отразилось в его идее «многочисленных факторов, строящих жизнь народа»⁶. Он категорически отрицал доминирование какого-либо фактора в историческом процессе. В частности он отвергал стремление некоторых историков ставить на передний план экономику. С его точки зрения, духовная жизнь людей оказывала на историю также весьма значительное влияние⁷.

Итак, в данной лекции отчетливо проявился позитивистский стержень научного мировоззрения Готье, основанный на идеях Ключевского. В то же время он высказал ряд положений, отличных от концепций его учителя.

Не менее насыщенной, чем преподавательская, была и археографическая деятельность историка. В 1912 г. он публикует документы, относившиеся к истории обороны Смоленска в Смутное время, которые хранились в шведских архивах. Эта публикация стала во многом итоговой, завершив работу, начатую еще во время посещения Швеции

¹ Там же. С. 4.

² Там же.

³ Там же. С. 7.

⁴ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ростов-на-Дону, 2000. С. 7.

⁵ Готье Ю.В. Лекции по русской истории... С. 6.

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Там же. С. 8.

в 1897 г. Как он вспоминал об этом в 1937 г.: «...Я обратился к таможенному начальственному аппарату: давайте напишем в Стокгольм письмо, не вышлют ли они эти документы? Написали. В ответ мне прислали очень любезное согласие. Потом мы просили их выполнить его, и в один прекрасный день в тогдашнем Румянцевском музее был получен прекрасно сделанный ящик и в нем все эти документы»¹. С документов сняли копии и впоследствии опубликовали. В предисловии к изданию Готье указывал, что впервые на след этих документов об осаде Смоленска напал профессор С.В. Соловьев. Но он расценил эти документы как отрывки следственных смоленских дел, не имеющих большой исторической ценности². В 1897 г. Готье вновь обнаружил эти документы и пришел к выводу, что эти источники представляют значительный интерес, поскольку освещают «делопроизводство Смоленской приказной избы в один из самых интересных и драматических моментов жизни этого города»³. Документы в сборнике были разделены на несколько типов в зависимости от их содержания. Автор-составитель выделил: 1) документы, относящиеся ко времени до начала осады Смоленска, 2) документы, относящиеся к осаде, 3) списки различного содержания, 4) документы из польского стана. Издание было сопровождено топографическим и именованным указателями. В целом издание было осуществлено на высоком археографическом уровне.

Заметным событием в исторической науке стало появление монографии Готье, посвященной изучению истории областного управления в постпетровской России. Как уже отмечали исследователи⁴, тематика работы была отнюдь не случайна и вписывалась в рамки традиций Московской исторической школы, с ее интересом к истории государственных учреждений. Более того, она органично заполняла те пробелы в изучении истории России XVIII в., оставшиеся после капитальных монографий А.А. Кизеветтера и М.М. Богословского. Фактически книга Готье «ложилась» между книгой М.М. Богословского о петровской областной реформе⁵ и исследованием А.А. Кизеветтера о городском положении Екатерины II⁶.

Монография была написана в рамках методологии, предложенной впервые Ключевским в его докторской диссертации о боярской думе.

¹ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 36 а. Л. 11.

² *Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.* Вып. 6: Памятники обороны Смоленска (1609–1611 гг.) / Под ред. Ю.В. Готье. М., 1912. С. VI.

³ Там же.

⁴ *Емельянов Ю.Н.* Юрий Владимирович Готье // *Историки России. Биографии.* М., 2001. С. 519.

⁵ *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–1727 гг. М., 1902.

⁶ *Кизеветтер А.А.* Городовое положение Екатерины II. М., 1909.

Маститый историк проанализировал историю данного общественного института с точки зрения его классового контекста¹, рассмотрев эволюцию думы на широком историческом фоне. Данный подход, принятый всеми учениками Ключевского (а вскоре и не только ими), получил дальнейшее развитие в работе Готье. Не случайно именно Ключевскому автор фактически посвятил свое исследование.

Готье признавал существование устойчивой традиции в изучении темы местного управления в отечественной историографии. Тем не менее он отмечал скудность источниковой и методической базы предшественников. В особенности осуждение историка вызывала «склонность изучать учреждения вне связи с обществом, мало учитывая реальную жизнь, которая нередко безжалостно ломает самые стройные и самые разумные нормы, диктуемые человеческим разумом»². Таким образом, автор резко критически выступил против формально-юридического подхода к решению поставленной проблемы. Исследователь, тем не менее, признавал типичный для школы московских историков подход, при котором юридический и социально-экономический фактор признавались равнозначными.

В понимании историка к теме, целью которой является изучение провинциального управления, может быть два подхода: анализ только «русских областей» или всей империи в целом. Историк предпочел первый вариант, признав, что для решения второй проблемы еще недостаточно знаний и материалов³. Для рассмотрения полученного документального материала автор отказался от широких статистических обобщений. «Моей задачей, — писал Готье, — было выбрать яркие и типичные примеры из документов, непрерывно и бесконечно обращающихся вокруг одних и тех же фактов и явлений и, по возможности, заставить говорить самые документы»⁴. Причин отхода от ранее апробированных методов было несколько. Во-первых, сама тематика исследования, концентрировавшая внимание на функционировании государственного аппарата, не требовала обязательных статистических подтверждений (хотя это добавило бы основательности). Во-вторых, повлияло мнение учителя, Ключевского, который раскритиковал Готье на защите магистерской диссертации о Замосковном крае. По свидетельству Н.Н. Ильина: «Ключевский... добавил вскользь, что те же выводы можно получить из более

¹ Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. М., 1902. С. 14.

² Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II: В т. 1: Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. М., 1913. С. 2.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 7.

компактного и давно известного материала, и тут же показал, что масса времени и труда была диссертантом [потрачена?] без надобности. Полученный урок, очевидно, оставил на Готье неизгладимый след...»¹. Надо отметить, что такое решение, в общем-то, было шагом назад, по сравнению с магистерской диссертацией.

Изучаемый период автор разделил на четыре периода: 1) 1720-е гг. — «время нового областного строя»; 2) 1730-е гг. во время правления Анны Иоанновны — «время понуждения и выколачивания налогов»; 3) правление Елизаветы — «время дворянского благоденствия»; 4) 1762–1775 гг. — подготовка новых реформ².

Центральным мероприятием первого периода, определившего дальнейшую эволюцию местного аппарата, стала областная реформа 1727 г. Городовые воеводы снова получали значительную власть на местах, поскольку ликвидировались посредники в сборе налогов и управлении. Были восстановлены уезды. В ходе реализации реформы были ликвидированы многие институты, введенные Петром. Новое правительство отказалось от Главного магистрата, а местные городские магистраты были переподчинены губернаторам и воеводам. Наиболее ярко возвращение к старине, с точки зрения автора, проявилось в Сибири, где возобновлялась деятельность Сибирского приказа³. Автор отметил, что «упрощение, с одной стороны, и идеализация московской старины, с другой, привели к полному объединению власти в единоличных руках губернаторов и воевод»⁴.

Наиболее интересной стороной реформ «была его попытка создать стройную систему учреждений». Этого не удалось, поскольку, по образному выражению историка, «областная реформа Петра Великого была попыткой строить на зыбучем песке»⁵. Причины неудач реформатора Готье видел в следующем. В первую очередь, он признавал несоответствие созданных учреждений общественным отношениям того времени; во-вторых, реформы Петра тяжелым бременем легли на налогоплательщиков, не оставляя средств на самоуправление; и, в-третьих, «уже искаженные, считающиеся слишком дорогими и мало полезными, областные учреждения стали вызывать упорную и ожесточенную критику»⁶. Тем не менее автор подчеркивал, что петровские реформы никогда окончательно

¹ Цит. по: Андреева О.В., Куглюковская Л.И. Из истории Московского Румянцевского музея (по воспоминаниям Н.Н. Ильина) // Книга в пространстве культуры. Вып. 1. М., 2005. С. 23.

² Готье Ю.В. История областного управления... С. 17.

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Там же. С. 19.

не разрывали связи с предшествовавшей им системой¹, и в этом смысле Готье поддерживал устоявшийся в исторической науке тезис о внутренних предпосылках петровских преобразований. Возвращаясь к оценке петровских реформ, ученый признавал высокую цену, заплаченную за них страной.

Вся дальнейшая правительственная политика в отношении областного управления, по мнению Готье, была направлена на упрощение и удешевление существовавших институтов. Это совпадало с общей тенденцией отхода от наследия петровских реформ и возвращением к допетровским методам управления: «Сложное и непонятное большинству современников областное управление Петра сменилось сейчас же вслед за его кончиной другой, более простой и удобной системой учреждений, во многом напоминавшей старый московский строй и продержавшейся до Екатерины II»². Исследователь даже вводит термин «контрреформы» в объяснении законов 1727 г.³

Большое значение в книге играла глава, посвященная рассмотрению областного деления в изучаемый период. В этом проявилось продолжение традиционного интереса московских исследователей к истории колонизации и, как следствие, исторической географии. В анализе областного деления автор предлагает внутреннюю периодизацию, отличную от данной ко всему местному государственному аппарату. Он разделил историю областного деления на доекатерининское время и подготовку к реформам 1775 г.⁴

Рассматривая реальное функционирование новой административной системы, Готье нарисовал картину полной безотчетности губернаторов и воевод на вверенных им территориях. Отмечая отсутствие единообразия высшего управления еще в эпоху Петра, историк показал, что это же было характерно и для последующей эпохи. При этом автор признавал более устойчивый характер местной администрации⁵. «Порядок, водворившийся во второй половине 1720-х гг., остался господствующим и в дальнейшее время. Частичные изменения и колебания зависят от двоякого порядка явлений. Во-первых, значение имеет количество высших центральных учреждений и их взаимные отношения, а также степень фактического участия верховной власти в делах текущего управления, во-вторых, можно по-прежнему считать общим правилом, что замещение высших должностей по областному управлению интересует больше,

¹ Там же. С. 46.

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 48.

⁴ Там же. С. 115.

⁵ Там же. С. 130.

чем замещение низших, вследствие чего, например, в назначение губернатора вмешивается больше лиц и даже учреждений, чем в назначение городского воеводы»¹, — писал автор.

Рассмотрев имеющийся материал, Готье пришел к выводу, что, несмотря на видимое всеислие местных «правителей», можно отметить стремление центральных властей контролировать действия местной администрации. «Однако, стремясь регламентировать всякий шаг областных властей, центральное правительство не сумело стройно и правильно организовать службу по местному управлению. Введя довольно однообразное устройство областного управления, оно не справилось с деталями взаимных отношений отдельных его органов»².

Особый интерес представляет стремление автора рассмотреть бытовые условия работы местных учреждений. Он указал на слабую бытовую устроенность чиновников, признав это серьезной помехой в нормальном функционировании администрации³.

Подводя общие итоги эволюции местных учреждений, автор считал, что все отчетливее проявилась «связь местного дворянства с местной администрацией»⁴, которое занимало в ней ключевые посты. Но и в этой социальной конфигурации, сложившейся в новых учреждениях, исследователь выявил разделение на «патрициев и плебеев», указав на расслоение служилого дворянства.

В изучении личного состава местных властей автор выбрал путь создания коллективного портрета одновременно с раскрытием основных тенденций через биографии отдельных представителей власти. В его описании местные правители — люди, редко наделенные необходимыми качествами для отведенной им роли. Они не имеют специального образования, познавая все на личном опыте, у них редко есть чувство собственного достоинства, они — мелочные карьеристы, видящие в должности возможность прокормиться. Несколько иной тип представляли собой высшие представители власти на местах, губернаторы. Они были выходцами из обеспеченных слоев и наиболее тесно оказывались связанными с центром, поскольку рассматривали свое губернаторство лишь как эпизод своей карьеры⁵. Основным их качеством был большой опыт администрирования.

Подводя итоги изучения личного состава местной администрации, историк пришел к неутешительному выводу: «Основной задачей реформ

¹ Там же. С. 136.

² Там же. С. 203.

³ Там же. С. 171–179.

⁴ Там же. С. 204.

⁵ Там же. С. 213.

1727 года было упростить учреждения, сделать их более близкими и понятными для управляемых. Но в измененном областном строе люди остались те же. Их подготовка была недостаточной даже и для упрощенных учреждений; их нравственные качества оставались такими же низкими; отождествление своих интересов с казенными, постоянное применение права сильного, самодурство и пьянство остались, как и ранее, самыми обыденными, распространенными явлениями, а постепенное развитие дворянской вольницы, приводившее к установлению связи между местной администрацией и местным дворянством, могло способствовать только большему отчуждению дворян-правителей от тяглого населения, им подчиненного»¹.

Более того, Готье отметил отчужденность и соперничество между высшими инстанциями и местными канцеляриями, ставшими оплотом бюрократической волокиты. По мнению ученого, реформы Петра лишили учреждения патриархального духа, а взамен привнесли канцелярскую формалистику, не добавив при этом в их деятельность бюрократической рациональности, столь необходимой в условиях нехватки чиновников².

Резюмируя полученные выводы, автор писал следующее: «Учреждения, созданные в 1727 году, заставляли во многих отношениях желать лучшего; это сознавали и различные правительства полу столетия, протекшего от Петра до Екатерины II. Они пытались, одно за другим, помочь делу, следуя традициям Петра, созидая и поддерживая особые органы надзора, развивая в очень широких размерах систему особых поручений... и пробуя произвести частичные попытки исправления недостатков существующего областного строя, пока, наконец, неудача всех подобных попыток и начинаний не привела к убеждению, что необходима коренная перестройка системы областного управления»³.

Монография, написанная в русле традиций Московской исторической школы на стыке историко-юридического и социального исследования, была представлена автором в качестве диссертации на соискание докторской степени. Защита состоялась 19 мая 1913 г. Официальными оппонентами выступили М.К. Любавский и М.М. Богословский. Любавский во время своего выступления «приветствовал появление книги, которая по своему содержанию вполне отвечает очередным задачам исторической науки»⁴. Тем не менее оппонент выступил против манеры изложения материала: «Эту манеру изложения можно назвать протокольной, тогда как

¹ Там же. С. 258.

² Там же. С. 322.

³ Там же. С. 467.

⁴ Пичета В.И. Диспут Ю.В. Готье // *Голос минувшего*. 1913. № 6. С. 295.

сама тема нуждается в описательном изложении»¹. В этом Любавский уловил неприемлемый для него стиль исторического исследования, свойственного новому поколению московских историков, когда текст строится на предельной концентрации фактического материала и зачастую превращается в подробный пересказ всего материала, представленного в источниках. Старшее поколение предпочитало иллюстративный принцип включения источников в архитектуру исследования. Из-за подхода, которого придерживался Готье, книга, по мнению Любавского, лишилась внутреннего единства. Выступил рецензент и против общей концепции эволюции областного управления, предложенной Готье. Он не согласился с тезисом защищавшегося, что областные реформы постпетровского времени — это возвращение к допетровским порядкам. По его мнению, реформа 1727 г. — это синтез «старины и петровских преобразований»².

Отвечая на замечания, защищающийся отметил, что «принятая им система изложения вытекала всецело из характера того материала, которым он пользовался и который нуждался в описании»³. В этом снова проявилось понимание новым поколением места исторического источника и факта в научно-историческом исследовании. Последовательно отстаивал он и свою концепцию.

Второй оппонент, Богословский, также подчеркнул негативный эффект от приемов изложения, принятых защищавшемся: «Вообще, работа Готье развивается неорганически»⁴. Поддержал Богословский и возражения Любавского против общей концепции Готье, признав то, что разрыва между реформами 1719 г. и 1727 г. не было. Тем не менее оппонент признал большой вклад монографии в изучение истории России XVIII в. Кроме того, Богословский высказал множество частных замечаний, с которыми Готье вынужден был согласиться. «По окончании диспута магистр русской истории, Ю.В. Готье, был признан „доктором русской истории“. Это признание было встречено аплодисментами не особенно многочисленной публики»⁵.

На книгу появилась рецензия В. Бочкарева. В ней он писал, что «избранная автором тема давно являлась очередной для историков-специалистов той московской школы, главой которой был покойный В.О. Ключевский»⁶. Заслугой Готье рецензент видел тот факт,

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 296.

⁵ Там же. С. 297.

⁶ *Бочкарев В.* Рец. на: Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. М., 1913 // *Голос минувшего.* 1913. № 6. С. 252.

что, подробно описывая административные механизмы, он не упускал из виду и чисто бытовых подробностей. В упрек исследователю было поставлено то, что он не раскрыл повседневную жизнь русского провинциального общества XVIII в. «Таким образом, в книге имеется административный фон, но отсутствует перспектива культурно-исторического характера»¹, — утверждал автор отзыва. Заметим, что Готье и не ставил перед собой такой задачи. Негативный характер носил отзыв Н.А. Рожкова. Он язвительно написал: «Перед нами весьма документальная, обстоятельная, основанная на свежем архивном материале работа на неинтересную и далеко не первостепенную по своему значению тему»².

Несмотря на отдельные критические замечания, выводы, полученные Готье, вошли в историческую науку. Правда, в последнее время большинством историков принято рассматривать «контрреформы» 1727 г. не в свете отступления от «дела Петра», а как необходимую корректировку перегибов петровского законодательства³.

После успешной защиты первого тома книги в качестве докторской диссертации Готье продолжил работу над второй частью исследования. В печати появилось несколько статей, освещавших ход работы историка над проблемой⁴. По свидетельству самого историка, написанию работы существенно помешало начало Первой мировой войны, нарушившее привычный ход жизни⁵. Черновой вариант книги был закончен к 1917 г. Оставались только «отдельные экскурсы», но основной массив необходимых документов находился в петроградском Государственном архиве, где началась эвакуация, снова помешавшая работе. «Только случайное обстоятельство переведения в Московский архив Министерства иностранных дел большей части собрания Государственного архива дало мне, — писал Готье, — возможность закончить в 1919 г. собрание

¹ Там же. С. 254.

² Рожков Н.А. Рец. на: Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. М., 1913 // Современный мир. 1913. № 10. С. 273.

³ Например: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд. М., 1983. С. 111; Каменский А.Б. Административное управление в России XVIII в. // Административные реформы в России: история и современность. М., 2006. С. 88.

⁴ Готье Ю.В. Из истории областного управления XVIII века. Постоянные учреждения и особые поручения // Сборник статей в честь Дмитрия Александровича Корсакова. Казань, 1913. С. 194–201; Он же. Отзывы губернаторов шестидесятых годов XVIII века об областном управлении // Сборник в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 19–31.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 83 (Ю.В. Готье). К. 10. Ед. хр. 7. Л. IV.

материала»¹. Сам текст окончательно был дописан к 1921 г. и тогда же подготовлен на печатной машинке всего в двух экземплярах. Очевидно, автор не надеялся в условиях социально-политической разрухи на интерес к своему исследованию. Об этом он сам признавался во введении к книге: «Долгие годы пока писалось мое исследование и пока задерживалось его издание, были годами войны, революции и смут. Вопросы, казавшиеся очередными для исследования, потеряли интерес и значение. К таким вопросам я отношу и историю областного управления не существующей более русской империи. Их изучение уже не предмет истории — они отошли в область „древностей“»². Хотя даже в таком виде монография вызвала заслуженный интерес среди исследователей. Так, уже к тому времени вынужденно эмигрировавший А.А. Кизеветтер в своем обзоре, опубликованном в 1923 г. в «Современных записках», отмечал значительный интерес этой работы для изучения истории XVIII в.³

В 1941 г. книга была опубликована официально. При ближайшем рассмотрении можно прийти к выводу, что различия между этими изданиями не носят принципиального характера. Так, вместо «Петр Великий» Готье вставил «Петр I», убрав тем самым не принятый в советское время эпитет. Поэтому ссылки будут даваться на это издание, как на широко известное и гораздо более доступное.

Во второй части Готье продолжил анализ отдельных аспектов функционирования областной системы послепетровской России. Первая и вторая главы касались областных органов надзора. Автор пришел к выводу, что постоянные органы надзора, воплощавшиеся в деятельности генерал-прокуроров, не справлялись с трудностями управления. Как следствие, центральные власти перешли к проверенной ранее практике применения чрезвычайных органов. Такими органами стали Следственные комиссии по злоупотреблениям областных властей. Тщательно изучив их деятельность, историк сделал вывод, что, несмотря на тот ужас, который они внушали всем взяточникам, они не «могли пересилить бытового уклада того времени, и потому комиссии не могли одолеть зла, с которым они призваны были бороться»⁴. По категорическому заявлению автора: «...Экстренные органы могли

¹ Там же.

² Там же. Л. VI.

³ Кизеветтер А.А. Научно-историческая литература в современной России // Антология русского зарубежья: В т. III: История и историография России. Из научно-литературного наследия русского зарубежья. М., 2006. С. 42.

⁴ Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II: В т. II: Органы надзора. Чрезвычайные и временные областные учреждения. Развитие мысли о преобразовании областного управления. Упразднение учреждений 1727 г. М.; Л., 1941. С. 285.

приносить пользу в достижении тех специальных целей, для которых они предназначались, но едва ли возможно признать их средством исправить изъяны и прорехи в деятельности областных учреждений». Готье метко написал, что сами чрезвычайные органы были не средством исцеления, а «симптомом болезни»¹. Становилось очевидным, что только радикальное преобразование самой системы могло исправить ситуацию.

В этой связи пристальный интерес исследователя вызвали критические отзывы в отношении сложившихся институтов. Сделав вывод о том, что все поступившие проекты преобразований так и остались на бумаге, Готье подчеркнул, что вопрос изменения управления империей вообще и областное управление в частности был очень актуальным. «Областное управление, недостатки которого бросались в глаза и возможные изменения в котором нарушали интересы больших правительственных дельцов меньше, чем какие-либо реформы в центральном управлении, — было тем частным вопросом, который более всего привлекал к себе внимание и вместе с тем был местом наименьшего сопротивления для правительства, принужденного считаться с влиятельной столичной и придворной знатью»², — резюмировал историк.

Из этого же соображения, по мнению ученого, становится ясно, почему Екатерина II, взойдя на престол, предпочла реформировать местные органы управления, а не центральные³. Предварительно в 1762–1765 гг. Екатерина и ее правительство попытались скорректировать очевидные прорехи работы местных органов. Было введено новое законодательство и введен принцип «уравнения населения». Губернаторы получили больше власти. Но вскоре стало ясно, что паллиативными мерами проблему не решить⁴. Поэтому императрица возложила задачу решения проблемы на Уложенную комиссию. По наблюдениям Готье, предложенные проекты радикально меняли систему местного управления, подготовив тем самым знаменитое «Учреждение о губерниях» 1775 г.⁵

Проанализировав монографию Готье, в целом можно прийти к следующим выводам: 1) ее появление было закономерным и вписывалось в традиции Московской исторической школы; 2) она не была такой же новаторской и смелой по постановке проблемы, как работа о Замосковном крае, но ее выводы прочно вошли в отечественную историографию, а тот факт, что до сих пор не появилось крупных исследований на ту же тему, позволяет говорить о том, что вопрос считается решенным. Авто-

¹ Там же. С. 119.

² Там же. С. 156.

³ Там же. С. 159.

⁴ Там же. С. 196, 286.

⁵ Там же. С. 287.

ритетный специалист по истории России XVIII в. А.А. Кизеветтер считал, что главное достоинство работы в том, что автор показал предпосылки губернской реформы Екатерины II 1775 г.¹, тем самым проследив непрерывную цепь событий развития областного управления в XVIII в.

4. Лекционные курсы Ю.В. Готье

Защитив монографию как докторскую диссертацию, Готье 17 августа получил звание профессора Московского университета по кафедре русской истории². Как преподаватель Московского университета Готье читал курсы по историографии, истории России XIX в. и истории южных славян.

Курс лекций по истории XIX в. носил проблемный характер и охватывал вторую половину XIX — начало XX в. До нас дошел курс, читанный в 1915/1916 учебном году. Заметно, что на осмысление многих явлений наложила отпечаток шедшая мировая война. Автор признавал, что «много документов еще остается неизвестными, они могут внести существенные изменения и поправки», но уже достаточно материала для предварительных исследований³. Историк отмечал парадокс, заключающийся в том, что новейшую историю, несмотря на ее близость, знают хуже, нежели более древние периоды. Исходя из этого, Готье предполагал сделать курс, ориентированный на изложение фактической стороны. Он признавал: «Исторические законы трудно вывести из новейших событий; здесь получают значение самые факты, действующие лица — ибо все это люди и явления, непосредственно создавшие наше настоящее»⁴. В этой связи, по мнению Готье, возникает проблема адекватной оценки событий и явлений. Несмотря на то что это практически невыполнимая задача, «объективность — это идеал, к которому всякий историк должен стремиться»⁵.

Историк традиционно делил историю XIX в. на два периода: до реформ Александра II и после. Особое внимание в изложении событий Готье предполагал уделить истории внешней политики, поскольку это позволяло понять истоки текущего мирового конфликта⁶.

Переходя к изложению основных событий русской истории XIX в., историк исходил из тезиса, что к концу правления Николая I Российская

¹ Кизеветтер А.А. Научно-историческая литература в современной России... С. 43.

² АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 66.

³ Там же. Ед. хр. 6. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 1 об.

⁶ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1.